

Н.Ф. Зезюлинский

Неравная борьба

Волынский и Бирон

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Н11

Н11 **Н.Ф. Зезюлинский**
Неравная борьба: Волынский и Бирон / Н.Ф. Зезюлинский – М.: Книга
по Требованию, 2019. – 54 с.

ISBN 978-5-4241-5937-4

ISBN 978-5-4241-5937-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2019

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2019

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс
www.samizday.ru/reprint

рошо, но ихъ сестры Львовны подъ опекой сварливой Ульяны Андреевны, жены ихъ дяди Михаила Григорьевича, чувствовали себя совсѣмъ скверно. Тяжелая жизнь этихъ дѣвиць-сиротъ хорошо была извѣстна Екатеринѣ I, и ей захотѣлось во чтобы то ни стало устроить ихъ судьбу. Считая старшую изъ нихъ Александру Львовну вполне подходящею для губернатора Волынскаго парою, царица рѣшила выдать ее замужъ за него, о чемъ и намекнула ему чрезъ генерала Ивана Ивановича Бутурлина. Волынскій съ восторгомъ ухватился за этотъ намекъ и, боясь упустить случай породниться съ царемъ, немедленно по своемъ приѣздѣ въ Москву сдѣлалъ Александрѣ Львовнѣ предложеніе чрезъ Ульяну Андреевну. «Львовна» не сразу согласилась на это предложеніе: она отговаривалась отсутствіемъ изъ Москвы своихъ родныхъ братьевъ, съ которыми ей хотѣлось бы посоветоваться, но потомъ чрезъ тетку Ульяну сказала жениху, что «хоть и имѣетъ къ нему склонность, токмо безъ повелѣнья его царскаго величества и всемилостивѣйшей царицы-государыни не смѣетъ обязаться словомъ, а ежели соизволеніе ихъ величествъ будетъ, то она предается въ волю ихъ, объявляя, что обѣ онѣ—подъ протекціей ихъ величествъ». О такомъ отвѣтѣ своей невѣсты Волынскій немедленно написалъ въ Петербургъ Екатеринѣ I, прося ея содѣйствія къ удачному исходу своего сватовства. Царица, входя въ столь щекотливое положеніе Волынскаго, послала ему въ Москву съ Матвѣемъ Карцевымъ слѣдующее письмо:

«Господинъ полковникъ! Письмо твое чрезъ посланнаго вашего Карцева исправно до насъ до-

шло, по которому о намѣренномъ вашемъ дѣлѣ я извѣстна и его царскому величеству о томъ доносила, и ежели склонность со стороны невѣстиной къ тому есть, то мы оное приедемъ за благо и даемъ позволеніе, дабы вамъ съ нею при Божіей помощи положить на словѣ, и о томъ я къ ней писала, что ежели она имѣетъ къ тому свое намѣреніе, дабы оное объявила и дала вамъ слово, и что между вами учинится, о томъ къ намъ пишите, и хотя затѣмъ нѣсколько дней лишнихъ на Москвѣ и промѣшкаетесь, о томъ не сомнѣвайся. Въ прочемъ пребываю Екатерина».

Достовѣрно неизвѣстно, почему именно, но невѣста, по словамъ Волинскаго, такъ испугалась письма къ ней Екатерины I, что была готова даже отказаться отъ своего согласія на бракъ съ нимъ, «почитая за великое себѣ безчестіе, ежели ей самой на словѣ положить», и говоря, что «ихъ величества помимо нея самой изволятъ то учинить». Въ минуты этого испуга она 5 октября 1719 г. даже написала царицѣ въ Петербургъ, что о сватовствѣ къ ней Волинскаго доложено ея величеству неправильно, что у нея не было склонности къ браку съ нимъ и т. д. Вмѣстѣ съ невѣстой перепугалась и ея тетка Ульяна Андреевна: она боялась, что царь сошлетъ ее въ монастырь за такое сватовство. Въ искренность испуга Ульяны Нарышкиной Волинскій почти не вѣрилъ и, называя ее въ своихъ письмахъ къ Алексѣю Васильевичу Макарову „дурой и человѣкомъ особливаго нрава и замерзѣлаго обыкновенья“, самъ опасался, какъ бы она «не подвигла всю фамилію Нарышкиныхъ вѣчною на него злобою». При этомъ онъ

услышалъ, будто и Михаилъ Григорьевичъ Нарышкинъ не сочувствуетъ такому браку своей племянницы. При такомъ положеніи дѣла Волынскій уже хотѣлъ было извиниться предъ невѣстой и ея родственниками за свое сватовство, взять свое слово назадъ и на этомъ покончить дѣло, но слѣдующее письмо царицы, отъ 22 октября, къ его невѣстѣ удержало его отъ такого намѣренія:

«Александра Львовна! Письмо Ваше изъ Москвы, писанное октября отъ 5 дня, мы получили, въ которомъ пишете, что якобы приношеніе намъ было неправое, понеже вашей склонности къ браку не было, и о томъ сокрушаетесь, и тому мы зѣло удивляемся, что вы напрасно, не разсудя, сокрушаетесь, понеже мы писали къ вамъ не повелительно, но токмо единымъ совѣтомъ, что ежели склонность ваша къ тому есть, то положить только на словѣ, а ежели нѣтъ склонности, то какъ хотите, ибо есть присловица, что у всякой невѣсты сто жениховъ и у всякаго жениха сто невѣстъ. И хотя мы за благо разсудили о семъ женихѣ, что оный добръ, однако же отдаемъ о томъ на ваше разсужденіе, а кто вамъ инаково толкуеть, такихъ не надобно слушать, ибо сами вы уже совершенный разумъ имѣете. Въ прочемъ и пребываемъ въ милости склонная царица Екатерина».

Золотыя слова этого письма Екатерины «кто Вамъ инаково толкуеть, такихъ не надобно слушать, ибо сами вы уже совершенный разумъ имѣете» указываютъ на то, что по исконному русскому обычаю и въ сватовствѣ Волынскаго дѣло не обошлось безъ сплетенъ, которыми въ то время Москва была такъ богата. Въ этомъ отношеніи особенно

усердствовали тѣ дамы и дѣвицы, которыя сами такъ или иначе интересовались Волынскимъ. Убѣдившись, что завидный зять или женихъ ускользаетъ отъ нихъ, эти женщины постарались дать волю своимъ льстивымъ, но и злымъ язычкамъ... Отъ женщинъ не отставали и нѣкоторые мужчины. Извѣстно, что и среди сильной половины рода человѣческаго есть очень много «молвотворовъ», т. е. сплетниковъ. Въ числѣ опасныхъ для Волынскаго «молвотворовъ» былъ и канцлеръ гр. Гавріиль Ивановичъ Головкинъ, убѣдившійся въ тщетѣ своихъ надеждъ стать тестемъ молодого губернатора... Этотъ графъ, узнавъ, что Волынскій его дочери предпочелъ сироту «Львовну», чуть было не возстановилъ противъ Артемія Петровича чванливаго М. Г. Нарышкина, который очень кичился своимъ положеніемъ комнатнаго стольника при царевнѣ Натальѣ Алексѣевнѣ, родной сестрѣ Петра I. Однако у Волынскаго въ Петербургѣ предъ царемъ и царицей былъ сильный заступникъ кабинеть-секретарь Алексѣй Васильевичъ Макаровъ. Къ нему въ трудныя минуты своей жизни Артемій Петровичъ всегда и обращался за помощью. Обратился онъ къ Макарову за содѣйствіемъ и по своему сватовству. Такъ 6 ноября 1719 г. онъ писалъ Макарову: «и паки васъ, государя моего, покорно прошу попросить Г. И. Головкина, чтобы онъ велѣлъ Львовнамъ хотя по зимѣ ѣхать въ Петербургъ, а паче всего, ежели возможно, чтобъ всемилостивѣйшая государыня-царица повелѣла о томъ къ нимъ отписать». Эта просьба Волынскаго была исполнена Макаровымъ: Екатерина вызвала «Львовень» къ 1720 г. въ Петербургъ, куда въ

концѣ 1719 г. изъ Москвы прибылъ и Волинскій.

Въ Петербургѣ въ началѣ 1720 г. состоялся сговоръ, на которомъ въ присутствіи ихъ величествъ Александра Нарышкина и Артемій Волинскій были рбъявлены женихомъ и невѣстою. На сговорѣ былъ и любимецъ царицы Вилимъ Моисъ, съ которымъ Волинскій успѣлъ подружиться по своемъ приѣздѣ изъ Персіи.

Январь и февраль 1720 г. Петръ I проводилъ очень весело: въ свободные отъ серьезныхъ занятій дни онъ съ царицею охотно бывалъ у сенаторовъ, членовъ коллегій и у другихъ лицъ на шумныхъ «ассамблеяхъ»—этихъ «вольныхъ собраніяхъ не только для забавъ, но и для дѣла». Старались бывать на этихъ собраніяхъ и новонареченные женихъ Волинскій и его невѣста Нарышкина, хоть и чувствовали себя чужаками у многихъ изъ Петербургскихъ сановниковъ... Послѣдніе уже начали было кое-что замышлять противъ быстро возвышенія Волинскаго, но царь въ выборѣ людей руководился прежде всего своими личными на нихъ взглядами...

19 февраля 1720 г., «въ день своего супружества» съ Екатериной I, царь устроилъ въ почтовомъ домѣ роскошный балъ. Гости на этомъ балу непринужденно веселились. Въ концѣ бала сожжень фейерверкъ съ такой фигурой: на 2 лаврахъ 2 сердца подъ короной и надпись «Богъ да благословить яже совокупи». Въ числѣ гостей на этомъ балу были и Нарышкины съ Волинскимъ, съ которымъ царь, какъ подмѣтили нѣкоторые гости, былъ особенно любезенъ. «28 февраля царь со знатнѣйшими

персонами масленицу провожалъ и гораздо всѣ веселились и были шумны, и того же числа въ 9 часу его величество» уѣхалъ на Олонецкія марціальныя (желѣзистыя) воды, взявъ съ собою туда въ числѣ другихъ лицъ своей свиты и молодого губернатора Волынскаго. Здѣсь, на водахъ, Петръ I обсуждалъ съ Волынскимъ различные вопросы по управленію вновь учрежденной Астраханской губерніей, по использованію ея значительныхъ богатствъ, по развитію ея торговли съ богатымъ Персидскимъ краемъ и т. п.

А. Л. Нарышкина, обрадованная такимъ вниманіемъ царя къ ея жениху, всецѣло отдалась хлопотамъ по заготовленію приданаго къ своей свадьбѣ, назначенной на весну 1722 г.

Въ концѣ марта Волынскій съ Олонецкихъ марціальныхъ водъ возвратился въ Петербургъ вмѣстѣ съ царемъ и, ободренный вниманіемъ послѣдняго, сталъ усиленно ходатайствовать какъ предъ Сенатомъ, такъ и передъ разными коллегіями по исполненію своихъ доношеній и прошеній, поданныхъ имъ въ эти учрежденія еще въ 1719 г. Сенаторы и члены коллегій, вѣроятно, и тогда строго держались извѣстной чиновничьей поговорки «дѣло не волкъ, въ лѣсъ не убѣжить» и не только не торопились разсмотрѣніемъ разныхъ ходатайствъ Волынскаго, но даже хотѣли было отправить его въ Астрахань безъ всякихъ руководящихъ указаній и инструкцій... Однако эта попытка крупныхъ чиновниковъ не удалась: имъ всетаки пришлось выдать ему въ іюлѣ 1720 г. подробную инструкцію по управленію Астраханской губерніей.

Видя, какъ медленно рѣшаются дѣла въ нашихъ

государственныхъ учрежденiяхъ, Волынской съ своими просьбами на счетъ дѣль ввѣренной ему губернии и особенно на счетъ устройства флота на Каспійскомъ морѣ сталъ обращаться уже прямо къ самому царю. Послѣднiй съ отмѣннымъ удовольствiемъ единолично разрѣшалъ всѣ недоумѣнiя Волынскаго по устройству Каспійскаго флота... Вѣдь каждый образованный русскiй человѣкъ долженъ согласиться съ тѣмъ, что Великiй Петръ и русскiй флотъ—это историческiе синонимы... Царю очень нравилась, между прочимъ, та мысль Волынскаго, что и Каспiйскiй нашъ флотъ долженъ быть силенъ и количествомъ и качествомъ...

6 августа и 5 октября 1720 г. Артемiй Петровичъ съ своей невѣстой Александрой Львовной въ числѣ другихъ сановниковъ присутствовалъ на спускѣ 2 галеръ и одного корабля «Санктъ-Питеръ». Свои суда Петръ спускалъ на воду съ особенной торжественностью. Онъ ясно сознавалъ, что безъ флота нельзя ни расширить свою внѣшнюю морскую торговлю, ни обезпечить путь иностраннымъ народамъ, которыхъ онъ приглашалъ завязать сношенiя съ Россiей, горячо желая видѣть ихъ корабли въ русскихъ портахъ. Этотъ неутомимый и неустрашимый самодержецъ давно зналъ, что Англiйскiй король Георгъ и Голландцы считали возникающее могущество Россiи на Балтiйскомъ морѣ крайне опаснымъ для своихъ взаимныхъ интересовъ... На выходку Георга, приказавшаго своему адмиралу Норису дѣйствовать заодно со Шведами наступательно противъ Россiи, царь Петръ объявилъ бывшимъ въ то время при Русскомъ Дворѣ министрамъ этихъ державъ Витворту и де-Би, что онъ скорѣе

рискнуть потерять свою корону, чѣмъ не окончить своего дѣла и не доведеть его до совершенства, такъ какъ сильный флотъ онъ считаетъ душой государства... Укрѣпляя Кронштадтъ со всѣхъ сторонъ и располагая 20 линейными кораблями, кромѣ фрегатовъ, Петръ не боялся шведовъ, хотя бы они вмѣстѣ даже съ Англичанами попытались сдѣлать высадку на нашихъ берегахъ: по всему протяженію своихъ морскихъ границъ онъ такъ умѣло располагалъ свои войска, что безъ особаго труда могъ стянуть ихъ туда, гдѣ понадобилось бы сразиться съ врагомъ.

Твердая увѣренность Петра въ своихъ силахъ неотразимо дѣйствовала на иностранныхъ пословъ при русскомъ дворѣ... 7 ноября 1720 г. Лави писалъ къ аббату Дюбуа: «Если Богъ сохранить жизнь царя Петра, то каждой державѣ нужно постараться уяснить себѣ его планы, чтобы не допустить исполненія тѣхъ, кои могутъ быть вредны ея интересамъ, и вступить съ этимъ самодержцемъ въ болѣе тѣсныя сношенія какъ политическія, такъ и торговыя. Имъ, я думаю, не слѣдуетъ пренебрегать: на дняхъ я узналъ, что онъ намѣревается спустить еще 3 или 4 военныхъ корабля 1 и 2 ранговъ. Хоть они еще не окончены, однако царь хочетъ начать постройку 20 новыхъ кораблей и 5 фрегатовъ, не считая при этомъ значительнаго количества галеръ». Петръ I былъ влюбленъ въ свой флотъ Балтійскій, и ему нравилось, что и Волынскій хочетъ сдѣлать сильнымъ флотъ Каспійскій..

Во второй половинѣ декабря 1720 г. Волынскій изъ Петербурга черезъ Москву выѣхалъ въ Астрахань. Въ Москвѣ онъ прожилъ до начала

февраля, потому что заболѣлъ здѣсь «прямою чахотною болѣзнію» и по совѣту мѣстныхъ врачей дважды пускалъ себѣ кровь.. Хоть и говорится, что «на всякую болѣзнь по зелью вырастаетъ», однако у больного Волинскаго такимъ зельемъ оказались тѣ на его счетъ сплетни, которыя и при отсутствіи въ то время телеграфа и желѣзныхъ дорогъ необыкновенно быстро перелетали изъ Петербурга въ Москву. Петербургскіе «молвотворы» обоего пола задались цѣлью разстроить бракъ Волинскаго со «Львовною» и въ этомъ направленіи оказались положительно искусниками по «изблеванію сплетническаго яда»... Они уже достигли, было, того, что будущіе шурыя Волинскаго Александръ и Иванъ Нарышкины чуть-чуть не сдѣлались его врагами... Вотъ что 25 января 1721 г. Волинскій писалъ изъ Москвы въ Петербургъ своему пріятелю Монсу:

«Я здѣсь былъ въ великой печали отъ приключившейся моей болѣзни, къ тому же и въ томъ было мнѣ не безъ труда: когда Александръ и Иванъ Львовичи въ С. Петербургъ прибыли, долгое время отъ нихъ писемъ не имѣлъ, также и отъ моей невѣсты, а между тѣмъ здѣсь нѣкоторые разглашали, будто Александръ Львовичъ просилъ ихъ величества, чтобъ мнѣ въ свойствѣ у нихъ не быть, также тѣшилась Иванова, жена Измайлова, будто невѣста моя въ великомъ была гнѣвѣ отъ царицы государыни и нѣкогда была брошена въ церкви Троицкой, откуда до пристани брела одна, да уже умилосердился мужъ ея надъ нею Иванъ Измайловъ и довелъ ее: однако же будто государыня-царица и въ баржу пустить не изволила;

также и прочія подобныя тому не милости терпѣла и такъ принуждена съ принужденія царицы-государыни объявить свое намѣреніе и учинить по ея волѣ, хотя бы ей, бѣдной, было и противно, въ чемъ будто она, невѣста моя, сама Измайлову приносила жалобу со слезами; также зѣло было на нее смотрѣть жалко, когда сговоръ былъ, гдѣ будто она обмирала, но на то не токмо иной кто, Вы сами, государь мой, свидѣтели были, обмирала она или нѣтъ, а что будто она жаловалась Ивану Измайлову, въ томъ я самъ могу о ней засвидѣтельствовать, что она, чаю, сроду своего съ нимъ ничего не говаривала; также нѣсколько подобно тому и Ульяна Андреевна Нарышкина жаловалась, нарекая, что, конечно, она неволею отъ государыни-царицы принуждена».

Въ февралѣ 1721 г. Волынскій, оправившись отъ болѣзни, выѣхалъ изъ Москвы чрезъ Пензу на Саратовъ въ Астрахань, куда и прибылъ въ іюнѣ... Въ январѣ 1722 г. Петръ I разрѣшилъ ему пріѣхать въ Москву «къ празднику Христова Воскресенія для переговоровъ о нужныхъ дѣлахъ» съ тѣмъ, чтобы потомъ ему можно было вернуться въ Астрахань немедленно въ лодкѣ водою». Пріѣхавъ въ мартѣ въ Москву, Волынскій встрѣтилъ здѣсь апрѣль и провелъ очень весело: 8 числа онъ пировалъ на роскошной свадьбѣ гр. Михаила Гавріиловича Головкина, женившася на Екатеринѣ Ивановнѣ Ромодановской, двоюродной сестрѣ Курляндской герцогини, вполсѣдствіи императрицы Анны Ивановны. Въ свадебномъ поѣздѣ Петръ I ѣхалъ верхомъ предъ каретой молодыхъ съ маршальскимъ жезломъ въ рукѣ и на пиру самъ разносилъ вино, когда